

А. Ю. Андреев

ВОСПИТАНИЕ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ АЛЕКСАНДРА И КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧЕЙ ГЛАЗАМИ Ф.-С. ЛАГАРПА¹

Статья посвящена анализу процесса воспитания внуков российской императрицы Екатерины II, великих князей Александра (будущего императора Александра I) и Константина Павловичей. Исследование основывается на новом материале, почерпнутом из архива воспитателя великих князей, швейцарца Ф.-С. Лагарпа. Введение в научный оборот новых источников позволяет пересмотреть определенные неточности и мифологические представления, сложившиеся относительно «просветительского эксперимента» Екатерины II по воспитанию внуков. В результате яснее становятся истоки формирования ключевых черт характера императора Александра I и политических основ его мировоззрения.

Ключевые слова: Россия, воспитание, Екатерина II, Александр I, Лагарп, Просвещение, двор, Швейцария, французская революция.

A. J. Andreyev

Education of the Grand Dukes Alexander and Constantine Pavlovich through the eyes of F.-C. de La Harpe

The article presents a new investigation of the process of education held upon the Catherine II's grandchildren - the grand dukes Alexander (future emperor Alexander I) and Constantin. This analysis is based on the new historical data from the archive of a swiss teacher of the grand dukes F.-C. La Harpe. The new sources hereby put into scientific use allow to review some inaccurate statements and historical myths concerned with this «enlighted experiment» of Catherine II for the education of her grandsons. Thus some general origins of the key features of Alexander's character and political views become more clear.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 11-01-00301а.

Keywords: Russia, upbringing, Catherine II, Alexander I, Laharpe, Enlightenment, court, Switzerland, the French Revolution.

В отделе рукописей Кантональной и университетской библиотеки г. Лозанны хранится собрание писем и документов, принадлежавших выдающемуся швейцарскому педагогу и политическому деятелю Фредерику-Сезару Лагарпу (1754–1838)². Значительная часть этих бумаг имеет прямое отношение к истории России. Они связаны с воспитанием будущего императора Александра I, учителем которого Лагарп был в 1784–1795 гг., а также с многолетней перепиской между наставником и учеником, которая длилась практически вплоть до конца царствования последнего. В данном архивном собрании находятся: 1) выполненные Лагарпом собственноручно копии писем (как от него к Александру, так и наоборот), а также другой его корреспонденции в Россию; 2) привязанные к этим копиям многочисленные «объяснительные записки» (*фр.* notes explicatives), сочиненные Лагарпом в качестве примечаний в разные годы при переписывании документов. Отметим, что над этим корпусом бумаг Лагарп работал на протяжении всей своей жизни, считая его главным своим наследием и предназначая к посмертной публикации.

Хотя историки и обращались уже к данному историческому источнику, однако нельзя сказать, что он в должной мере введен в научный оборот. Особенно это касается отечественной историографии. До недавнего времени единственным российским историком, работавшим с лозаннским собранием бумаг Лагарпа, был М. И. Сухомлинов, познакомившийся с ним более 150 лет назад (!), когда бумаги еще находились в частных руках. Сухомлинов подготовил биографический очерк о Лагарпе, который — как детальное исследование всей жизни и деятельности швейцарца на русской службе — до сих пор остается непревзойденным³. В своем очерке историк использовал ряд важных документов, в частности «объяс-

² Bibliothèque Cantonale et Universitaire (BCU) Lausanne, Fonds de La Harpe (IS 1918).

³ Сухомлинов М.И. Фридрих-Цезарь Лагарп, воспитатель императора Александра I // Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 2. С. 37–142.

нительные записки» Лагарпа, как правило давая их в собственном пересказе. Последующие же отечественные историки, например автор многотомной и широко используемой биографии Александра I Н. К. Шильдер, опирались на эти выписки, цитируя Сухомлинова.

В зарубежной историографии наиболее полно данное собрание было использовано при подготовке трехтомного издания переписки Александра I и Ф. С. Лагарпа⁴. За основу этого издания были положены именно копии писем, хранящиеся в Лозанне, которые публиковались вместе с примечаниями, сделанными к ним Лагарпом. В то же время составители не ставили целью опубликовать полный набор «объяснительных записок», и поэтому некоторые из них (прежде всего, наиболее обширные по объему) не вошли в издание. Между тем в оставшихся до сих пор неопубликованными записках присутствуют важные фактические сведения, относящиеся к периоду пребывания Лагарпа в Петербурге, даются интересные подробности процесса воспитания великих князей Александра и Константина, а также той атмосферы, в которой Лагарпу приходилось действовать при российском дворе.

Прежде чем непосредственно перейти к анализу этих источников, сформулируем общие характеристики, существующие на сегодняшний день в исторической науке относительно воспитания внуков Екатерины II.

По мнению большинства историков, ведущую роль в нем сыграла лично Екатерина. Она руководила этим воспитанием в русле новейших идей эпохи Просвещения, подобрала способных учителей и гарантировала общее формирование «просветительского мировоззрения» Александра, назначив главным его наставником обладавшего ярко выраженными либеральными взглядами швейцарца Лагарпа.

Так, В. О. Ключевский писал: «Когда великий князь и следовавший за ним брат Константин стали подрастать, бабушка составила философский план их воспитания и подобрала штат воспитателей. Главным наставником, воспитателем политической

⁴ Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre I-er, suivie de la correspondance de F.-C. de La Harpe avec les membres de la famille impériale de la Russie (publiée par J. Ch. Biaudet et F. Nicod). Neuchâtel, 1978–1980. Vol. 1–3. (далее – Correspondance...)

мысли великих князей был избран полковник Лагарп, швейцарский республиканец»⁵. Процесс назначения учителей для Александра и Константина представляется историкам как *осознанный выбор*, поиск со стороны Екатерины лучших педагогов своего времени — «выдающихся людей» (по оценке историка А. А. Корнилова), среди которых «первое место несомненно принадлежит швейцарцу Лагарпу, *приисканием* [здесь и далее курсив внутри цитат принадлежит мне. — А. А.] которого Екатерина обязана своим связям с лучшими умственными силами тогдашней Европы... Екатерина одобрила и взгляды, и воспитательный план Лагарпа и предоставила ему полную волю вкладывать в душу Александра те идеи, которыми он сам был воодушевлен и которые соответствовали лучшим идеям передовых людей его века»⁶.

К этим словам крупных дореволюционных историков присоединяются и современные исследователи, подчеркивая, что будущий Александр I являлся, так сказать, плодом «просветительского проекта» Екатерины II по воспитанию внуков. «В физическом, умственном и нравственном развитии внуков Екатерина видела дело государственной важности. Педагогическая программа императрицы, известная по ее переписке и «Наставлению», которым она снабдила избранных ею воспитателей, носила явственный отпечаток прогрессивных идей выдающихся просветителей. Эта программа призвана была воплотить в жизнь руссоистский идеал «естественного человека» — всесторонне развитой, свободной от предрассудков гуманной личности; в известной мере она предвосхищала педагогический опыт Царскосельского Лицея. В некоторых отношениях воспитательная программа Екатерины шла даже дальше лицейской»⁷.

Современная американская исследовательница Дж. Хартли, характеризуя вклад Екатерины II в воспитание внуков, отмечает, что она «вникала в различные области знаний, читала самые последние образовательные теории... Теперь внуки дали ей удобную возможность применить на практике некоторые новые теории... Значительным для развития характера Александра являлся *выбор* Екате-

⁵ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 3. М., 1993. С. 378.

⁶ Корнилов А. А. Курс лекций истории России XIX века. М., 1993. С. 50–51.

⁷ Файбисович В. М. Воспитание Александра. СПб., 2005. С. 5–6.

риной Ф.С. де Лагарпа, известного швейцарского ученого, на роль его наставника в 1784 году»⁸.

Эти высказывания бесспорно представляются обоснованными — по крайней мере, исходя из переписки Екатерины, ее «Наставления» и других документов, где говорилось о *намерениях* императрицы. Однако существует и иной круг источников — с острой критикой того, как воспитание внуков императрицы происходило на *практике* (это, в первую очередь, записки Ш. Массона, учителя математики и личного секретаря великого князя Александра Павловича, а также мемуары князя А. Чарторыйского, близкого друга Александра, и В. Н. Головиной, фрейлины супруги Александра). Собственно, об этих источниках не умалчивали и историки XIX в. Но, основываясь на их более глубоком прочтении, в позднейшее время было сделано несколько интересных замечаний, которые рисуют картину воспитания Александра и Константина более сложной, и, в частности, позволяют переосмысливать отношения Екатерины и Лагарпа.

Так, Н. А. Троицкий четко сформулировал наводящую на размышления идею о том, что в деле воспитания Александра Екатерина и Лагарп выступали не единомышленниками, а соперниками. Историк писал: «Екатерина влияла на любимого внука неизмеримо сильнее, чем его родители, и была очень довольна этим. Но в страстных заботах о наилучшем его воспитании она сама невольно подготовила себе опаснейшего соперника. Им стал Лагарп»⁹. А Н. Н. Фирсов первым отметил, что Лагарпу приходилось каждодневно «бороться» за Александра против того воздействия, которое исходило от двора Екатерины и лично от августейшей бабки в последние годы ее царствования. Итог, по мнению историка, печален: «Незаметному, но едкому влиянию Екатерины, как ржавчина подтачивавшему героическое содержание бесед Лагарпа, Александр был обязан тем, что из него вышел не государственный и социальный реформатор, но «сладенький человек» с доброжелательными и высокими словами на устах и с камнем на всякий случай за пазухой»¹⁰.

⁸ Хартли Дж. М. Александр I. Ростов-н/Д, 1998. С. 23–24.

⁹ Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 49.

¹⁰ Фирсов Н. Н. Александр Первый. Личная характеристика // Былое. 1922. № 23. С. 8–9.

Упомянутые рукописи из лозаннской библиотеки позволяют, наконец, узнать, что думал по этому поводу сам Лагарп.

Но сперва еще несколько общих слов о его «записках». Информативность и ценность их содержания определяется, естественно, тем, что Лагарп соприкасался с верхушкой российского двора (помимо рассказа об отношениях с Александром, Константином и придворными из их окружения, Лагарп подробно осветил в «записках» несколько важных разговоров с Екатериной, а также свою весьма примечательную встречу с Павлом). Но при этом особенностью «записок» Лагарпа в отличие от некоторых иных исторических источников того времени служит то, что все они целиком сосредоточены на личности автора. Лагарп не ставит целью нарисовать портреты встреченных им людей или исторических явлений — его в первую очередь интересует фиксация собственных переживаний и описание своих поступков, а также обличение интриг и несправедливостей, допущенных по отношению к нему другими¹¹. Такой оправдательный характер свойственен для всех «эго-текстов», вышедших из-под пера Лагарпа, что объясняется как деталями его биографии (в течение жизни ему неоднократно приходилось защищаться от разного рода обвинений), так и, безусловно, самим характером швейцарца¹².

Учитывая вышеуказанные особенности, цель настоящего исследования — не просто изложить новые факты и оценки жизни российского двора в конце царствования Екатерины II, которые присутствуют в «записках» Лагарпа, но и дать их критический анализ, опираясь на широкий круг других источников. Все это позволит пересмотреть ряд вопросов, в отношении которых в историографии господствовали слишком упрощенные, а подчас и искаженные представления.

¹¹ Например, одна из тетрадей с обширными «notes explicatives» так и озаглавлена Лагарпом: «Обзор интриг, пущенных в ход в Петербурге, чтобы добиться немилости ко мне, с приложением оправдательных документов». — VCU. Fonds de La Harpe. G.Ab 1.

¹² Подробнее об «эго-текстах» Лагарпа см.: Андреев А. Ю. «Записки» Ф.-С. Лагарпа как источник по истории России конца XVIII — начала XIX в. // Вестник ПСТГУ. Серия «История. История Русской Православной Церкви». 2013. № 4.

1. «Выбор гувернера»: действительно ли приглашение Лагарпа учителем к юному Александру явилось результатом целенаправленных поисков, предпринятых Екатериной II?

Недавно А.Ф. Строев посвятил особую статью анализу обстоятельств приглашения Лагарпа в Россию, однако ответ на данный вопрос в этой статье напрямую не выражен. Зато были открыты детали той «воспитательной миссии», которую выполнял Лагарп в 1782 г. в отношении семейства Ланских, сопровождая Якова Ланского, младшего брата екатерининского фаворита, в поездке по Европе¹³.

Основная фактическая канва этой «миссии» была известна еще с момента публикации переписки Екатерины II с бароном Ф. М. Гриммом. Екатерина близко к сердцу принимала все, что касалось горячо любимого ею тогда А.Д. Ланского. Младший брат фаворита императрицы находился в Париже, и там его подстерегла «сердечная болезнь»: он едва не вступил в брак с юной авантюристкой (удостоившейся за свой образ действий множества нелестных комментариев со стороны как Екатерины, так и ее корреспондента Гримма). Не без трудностей младшего Ланского вместе с посланным на помощь кузеном удалось отправить в путешествие по Италии, а сопровождать их должен был Ф.-С. Лагарп, нанятый для этого Гриммом во время пребывания двух молодых россиян в Лозанне¹⁴.

В поездке по Италии Лагарп проявил немало ума, такта, осмотрительности и педагогического искусства, сумев оградить Якова Ланского от дальнейших преследований со стороны авантюристки и полностью «излечить его от сердечной болезни». О своих успехах Лагарп сообщал в Париж к Гримму, а тот в свою очередь пересылал эти письма российской императрице¹⁵. Так Лагарп стал известен Екатерине II, и в ее письме к Гримму от 25 февраля 1782 г. удостоился очень лестных характеристик: «Мудрость и рассудительность

¹³ Строев А. Ф. «Выбор гувернера»: Фридрих Цезарь Лагарп, Фридрих Мельхиор Гримм и Карл Фридрих Тиманн // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. / Под ред. А. В. Чудинова и В. С. Ржеуцкого. М., 2011. С. 218–232.

¹⁴ Строев А. Ф. Указ. соч. С. 221–222.

¹⁵ В статье А. Ф. Строева опубликованы отрывки из одного из таких писем, которое сейчас хранится в РГАДА, т. е. действительно было отослано Гриммом в Россию.

господина де Лагарпа присутствующих и отсутствующих так покорили, он со всеми делами так ловко управился, что все по нашему желанию совершилось и заслужил он всеобщую благодарность». Поэтому она доверяет Лагарпу окончить его миссию, благополучно доставив обоих кузенов Ланских из Италии через Австрию и Польшу на родину, в Петербург. Чтобы поощрить швейцарца к такому дальнему путешествию, императрица в том же письме заверяет, что в Петербурге «ему естественно обеспечат участь достойную»¹⁶. Грядущие милости обещает в личном письме и старший Ланской, который, горячо благодаря за «советы и заботы» в отношении брата, писал Лагарпу 11 марта 1782 г.: «Я прошу вас сопровождать его до России. Именно здесь, сударь, я льщусь на деле доказать вам желание мое быть вам полезным»¹⁷.

Судя по «запискам», Лагарп прибыл в Петербург в феврале 1783 г.¹⁸ Здесь он получил последнее письмо Гримма (посланное из Парижа 30 января 1783 г. с таким расчетом, чтобы застать Лагарпа уже в российской столице). Гримм не скупился на громкие слова, описывая дальнейшие перспективы Лагарпа в России. Как доверенное лицо Екатерины II барон подчеркивал, что швейцарца призвало в Петербург «особое приглашение Ее Императорского Величества», и заверял: «Величие души ее Вам ведомо, можете Вы быть уверены, что, какое бы Вы решение ни приняли, обойдутся с Вами в высшей степени любезно». Гримм видел двоякую возможность для карьеры Лагарпа в Петербурге – «либо для блага юного Вашего друга, либо собственной Вашей пользы, если полагаете, что ему уже более пользы не принесете», т. е. или продолжить воспитание младшего Ланского, или заняться еще чьим-нибудь обучением по собственному выбору. «Решение Ваше получит совершенное одобрение от Ее Величества и от всего семейства, коему оказали

¹⁶ Письма императрицы Екатерины II к барону Гримму (1774–1796) // Сборник РИО. СПб., 1878. Т. 23. С. 229–230 (в оригинале по-французски). Еще одна похвала Екатерины в адрес Лагарпа звучит в письме от 1 апреля 1782 г., где она называет того «светлой головой» (там же. С. 232), но этим и ограничиваются его упоминания вплоть до приезда Лагарпа в Петербург в начале 1783 г.

¹⁷ VCU. Fonds de La Harpe. J 124.

¹⁸ VCU. Fonds de La Harpe. G.Aa 52. P. 4 (текст и «объяснительные записки» к письму Н.И. Салтыкову от 1785 г.)

вы услуги столь важные», — уверен Гримм, желая Лагарпу, чтоб для него «приезд в Петербург удачей обернулся»¹⁹.

Вместе с тем, если придерживаться не громких обещаний или хвалебных слов, а лишь фактов, то нельзя не видеть, что прибытие Лагарпа не сопровождалось ни каким-либо четким распоряжением по поводу его дальнейшей судьбы в России, ни даже чьими-либо целенаправленными усилиями по устройству Лагарпа на службу. Да, Екатерина II безусловно пригласила его приехать в Петербург, но лишь обеспечивая возвращение на родину «заблудшей овцы» — Якова Ланского. Лишь в таком качестве Лагарп был ей интересен как педагог, а фраза императрицы, обещавшая ему здесь «участь достойную» (*фр.* un sort convenable), была вполне двусмысленной, ни к чему не обязывавшей — и в любом случае не имела никакого отношения к поиску будущих воспитателей для Александра Павловича. Барон Гримм, также бесспорно содействовавший приезду Лагарпа в Россию, на этом счел свою задачу выполненной — после процитированного выше письма от 30 января 1783 г. он практически больше не вступал в контакт со своим бывшим «протезе» (лишь в 1787 г. они обменялись вежливыми письмами²⁰).

Лагарп и сам прекрасно понимал неопределенность своего положения. Он признавался в «записках», что «приглашения, какими бы смутными те не казались, поехать в Петербург он решился принять немного легкомысленно», тем более что некоторое время назад получил от ирландского пэра, милорда Тайрона, блестящее предложение, связанное с воспитанием его двоих сыновей, условия которого (большое вознаграждение и пенсия после 6-7 лет службы) могли бы обеспечить Лагарпа на всю оставшуюся жизнь.

Изложим дальнейший ход событий словами Лагарпа. «Прибыв в Петербург в начале 1783 г., я был очень хорошо принят генералом Ланским, братом одного из русских офицеров, которого я сопровождал. Меня представили императрице, которая меня похвалила; но, прождав в течение нескольких недель без малейшего намека на то, на что меня заставляли надеяться, я стал готовиться к отправлению в Англию, о чем и объявил генералу Ланскому. Наступление ледо-

¹⁹ Correspondance... Vol. 1. P. 403–404.

²⁰ Строев А. Ф. Указ. соч. С. 230.

хода заставило отложить мой отъезд. Я еще был там, когда через посредничество своего секретаря, который был моим земляком, меня вызвал сенатор граф Александр Романович Воронцов, министр коммерции. Он завел со мной разговор о предметах, касающихся образования. Когда он спросил меня, что я предполагаю предпринять дальше, я ему изложил с откровенностью те приглашения, которые толкнули меня на путешествие в Петербург, а также мое нынешнее решение присоединиться к сыновьям лорда Тайрона, поскольку в России, как кажется, я не буду востребован. Не имея никаких документально подкрепленных оснований к тому, что мне здесь дадут подходящее место, было бы поистине неразумно отказываться от надежного предложения независимой судьбы, которое мне сделали в другой стране.

Спустя несколько дней после этого разговора генерал Ланской и граф Воронцов объявили мне, что императрица назначает меня на место в образовательном учреждении, которое формируют для обучения ее внуков, однако пока без какого-либо определения моих обязанностей. Сверх жалования в 1500 рублей мне обещали квартиру и жилье на всем готовом. Я согласился без колебаний и извинился перед лордом Тайроном, который принял мои объяснения с большой благожелательностью²¹.

Обратим внимание на несколько деталей этого рассказа. Во-первых, он подтверждает, что *Екатерина II вовсе не искала Лагарпа* в качестве будущего воспитателя для своих внуков, что в течение первых нескольких недель пребывания в Петербурге Лагарп, получив сначала свою долю благодарности за «спасение» Ланского-младшего, потом был забыт и планировал покинуть Россию, поскольку не рассчитывал найти здесь достойное место, будучи для этого, как он сам писал, «недостаточно известным». Тем самым на-

²¹ VCU. Fonds de La Harpe. G.Aa 52. P. 1. Другая запись в этой же тетради (копия письма Лагарпа к Салтыкову от 1785 г.) позволяет уточнить дату назначения ко двору: Лагарп указывает, что А.Д. Ланской сообщил ему об этом 18 марта 1783 г. после 15 дней ожидания (Ibid. P. 5). Здесь же Лагарп приводит дополнительные причины, подвигавшие его тогда к отъезду из России: он боялся, что «недостаточно известен здесь, чтобы заслужить место, требующее доверия», но не хотел принимать совсем уж незначительную должность, тогда как предложение из Ирландии его полностью устраивало.

значение Лагарпа ко двору выглядит скорее счастливым стечением обстоятельств.

Во-вторых, к его осуществлению и сам Лагарп приложил определенные усилия, воспользовавшись для этого средой своих товарищей — швейцарцев в Петербурге. Он поселился в доме земляка и друга, бригадира Жана Франсуа (Ивана Степановича) Рибопьера²², известного екатерининского военного (погибшего позже при штурме Измаила), адъютанта Потемкина, обладавшего, естественно, немалыми связями в Петербурге²³. И разговор Лагарпа с графом Воронцовым был также организован секретарем-швейцарцем. Зная настойчивость Лагарпа, можно заподозрить (хоть он об этом и не пишет), что тот добивался этого разговора, не желая покидать Петербург без последней попытки получить место из рук ближайшего окружения Екатерины II. Ведь ясно, что для Лагарпа даже туманная перспектива воспитывать членов императорской фамилии — будущих правителей огромной державы — на деле перевешивала любые обещанные в других странах материальные блага. Он и сам так говорил о выборе в пользу России в одном из писем: «Признаюсь искренне: когда б я сто раз оказался в подобных обстоятельствах, я сто раз сделал бы то же самое и всегда с радостью»²⁴.

В-третьих, если признать, что Лагарп сам добивался своего назначения, то механизм, который был в итоге задействован, не имеет никакого отношения к «просветительскому проекту», а, напротив, вполне традиционный, а именно «вельможная протекция» со стороны фаворита Екатерины II А. Д. Ланского. Именно он и добился для Лагарпа желанного места при великих князьях Александре и Константине (не случайно Лагарп в своих бумагах называл Ланского своим «единственным покровителем» — *mon seul Protecteur*). При этом речь вовсе не шла об испытании каких-либо компетенций Лагарпа: его взглядов, глубины познаний в науках и проч. (как мы видели, сам круг обязанностей Лагарпа при этом назначении был еще совершенно неопределенным).

²² Семья Рибопьеров, как и семья Лагарпов, жила в городке Ролль на Женевском озере.

²³ *Строев А. Ф.* Указ. соч. С. 231.

²⁴ BCU. Fonds de La Harpe. G.Aa 52. P. 5.

Но это не должно удивлять, поскольку ровно таким же образом, т. е. исходя из личных связей, а не знаний или педагогических способностей, в 1783 г. происходило назначение к Александру и Константину и прочих наставников, о чем свидетельствуют другие источники.

Главное «наблюдение за воспитанием великих князей внуков» императрица решилаверить генерал-аншефу, графу Н. И. Салтыкову, о чем с ним самолично изъяснялась в марте 1783 г. (т. е. примерно в те же дни, когда состоялось и назначение Лагарпа)²⁵. Салтыков к этому времени закончил опекать в качестве гувернера великого князя Павла Петровича и на этом посту доказал свою полную личную преданность императрице, поэтому его назначение выглядело вполне естественным.

В то же время, например, саксонский посланник оставил отзыв, что Салтыков — «самый неподходящий для воспитанников принцев во всей Европе»²⁶. Люди, близко общавшиеся с Салтыковым, добавляют к этому определению красок. Князь А. Чарторыйский пишет: «Выбор других лиц, которым было поручено руководство воспитанием Александра, в точном смысле этого слова был таков, что мог удивить всех понимающих людей. Главный надзор за воспитанием великих князей был возложен на графа Николая Салтыкова... Это был человек маленького роста, с большой головой, гримасник, с расстроенными нервами, с здоровьем, требовавшим постоянного ухода... Он считался самым прозорливым из русских придворных вельмож... являясь передатчиком слов Екатерины в тех случаях, когда она имела что-нибудь сказать великому князю Павлу. Граф Салтыков иногда пропускал или смягчал особенно неприятные или слишком строгие слова в приказах или выговорах императрицы своему сыну; точно так же поступал он и с ответами... Человек с его замашками и характером очень мало подходил к тому, чтобы руководить воспитанием молодого наследника престола и оказывать благотворное воздействие на его характер»²⁷.

²⁵ См. письмо Екатерины II к Н. И. Салтыкову от 1 апреля 1783 г. // Русский архив. 1864. Вып. 9. Ст. 942.

²⁶ *Шильдер Н. К.* Император Александр I: его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 1. С. 226.

²⁷ *Чарторыйский А.* Мемуары. М., 1998. С. 88–89.

Фрейлина Головина еще более жестко пишет о Салтыкове как о «коварном и лукавом интригане», который так руководил поведением Александра, что «неизбежно должен был разрушить откровенность его характера, заменяя ее заученностью в словах и принужденностью в поступках. Граф Салтыков, желая сохранить одновременно расположение императрицы и ее сына, внушал великому князю скрытность. Его доброе и превосходное сердце иногда брало верх, но тотчас же воспитатель пытался подавить движения его души. Он отдалял его от императрицы и внушал ему ужас по отношению к отцу»²⁸. Наконец, служивший под началом у Салтыкова Ш. Массон не находит для описания педагогических достоинств последнего лучших слов, чем следующие: «Его главным занятием при великих князьях было предохранять их от сквозняков и от расстройства желудка»²⁹.

Александр Яковлевич Протасов, назначенный «особым гувернером» («дядькой») великого князя Александра Павловича, постоянно жившим в соседней с ним комнате, получил это место «единственно как брат заслуженной фрейлины, фаворитки императрицы». Чарторыйский считает, что «не совершит несправедливости, оценивая его как полнейшего тупицу. Великий князь, не будучи насмешником, не высмеивал его, но никогда не питал к нему ни малейшего уважения... Подобная среда могла привить только недостатки»³⁰. Массон полагал, что Протасов «находился бы более на своем месте, если бы его назначили аптекарем... Ограниченный, впадающий в мистицизм и ханжество, малодушный, он не был злым, но выстав-

²⁸ Головина В. Н. Мемуары // Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М., 2000. С. 74.

²⁹ Masson Ch. F. Ph. Mémoires secrets sur la Russie pendant la règne de Catherine II et de Paul Ier. Paris, 1863. P. 215. «Записки» Массона впервые вышли в свет в Париже в трех томах в 1800–1802 гг., но, к сожалению, до сих пор полностью не переведены на русский язык. Даже их современное издание (Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I (предисл. и комм. Е. Ляминой). М., НЛО, 1996) воспроизведено по значительно сокращенному дореволюционному переводу. Поэтому и сегодня необходимо обращаться к тексту «Записок» на французском языке (здесь и далее используется полное издание их текста в одном томе, выполненное в Париже в 1863 г.).

³⁰ Чарторыйский А. Указ. соч. С. 89.

лял себя смешным в глазах всего света»³¹. Записки самого Протасова, содержащие некоторые подробности его общения с великим князем Александром в 1791–1794 гг., рисуют сходный образ: видно, что во многих вещах он не находил с учеником общего языка, пытался прививать ему догмы, возражая против способов самостоятельного суждения, которыми тогда уже овладел юный Александр, и т. д. О педагогических взглядах Протасова свидетельствует такой прием: «для приучения к русскому языку» (хотя и не будучи учителем этого предмета) Протасов писал Александру длинные письма, а когда тот жаловался, что ему скучно их читать, Протасов возражал ему, обижался, упрекал воспитанника в лени, а потом нарочно продолжал свою докучливую практику (в результате у Александра привилось твердое отвращение к длинным письмам и мемориям)³².

Карл Иванович Сакен, «дядька» великого князя Константина Павловича (перешедший на эту должность из свиты великого князя Павла Петровича), также характеризуется современниками как весьма слабый воспитатель — «снисходительный и уступчивый», который был совершенно не в состоянии справиться с чересчур резвым и непослушным характером своего ученика. Ш. Массон полагал: чтобы сохранять хоть какую-то власть над Константином, нужен был такой твердый человек как Лагарп, который один был способен давать отпор и обуздывать «природную грубость» младшего из великих князей³³.

Позже среди учителей Александра и Константина появились, например, академики Крафт (с 1789 г.) и Паллас (с 1791 г.), однако первоначальное формирование корпуса наставников, действи-

³¹ Masson Ch. F. Ph. Op. cit. P. 216.

³² Дневные записки А. Я. Протасова о воспитании великого князя Александра Павловича // Древняя и новая Россия. 1880. Т. 17. С. 774.

³³ Masson Ch. F. Ph. Op. cit. P. 216. Примеры многочисленных столкновений юного Константина с Лагарпом в период обучения сохранились в архиве последнего и были опубликованы (Correspondance... Vol. 3. P. 625–632); между тем «записки» Лагарпа свидетельствуют, что между ним и взрослым Константином сохранялись очень теплые отношения: например в 1795 г., как пишет Лагарп: «Константин простился со мной очень сердечно, а когда мы с ним впоследствии встречались, я имел возможность убедиться, что он еще сохранял много привязанности к строгому учителю, который частенько пресекал его запальчивые выходки» (BCU. Fonds de La Harpe. G.Aa 52. P. 17).

тельно, мало отвечало каким-либо особенным «просвещенным принципам», шло случайно и медленно. Сам Лагарп писал по этому поводу: «С большим знанием света я бы наверно испытывал бы живое беспокойство, наблюдая как затягивается формирование двора великих князей. Ибо не ранее конца 1783 г. за это дело взялись всерьез, и лишь тогда я был представлен графу Салтыкову, назначенному главным воспитателем, и познакомился с людьми, с которыми мне должно было работать вместе. Зимой 1784 г. нас впервые представили великому князю Александру»³⁴. Основная же причина промедления была чисто личного свойства – граф Салтыков в 1783 г. был надолго задержан за пределами Петербурга какими-то делами и не мог вернуться, несмотря даже на неоднократные призывы императрицы³⁵.

Таким образом, первый год Лагарпа в Петербурге прошел в ожидании (в это время, правда, он пытался учить русский язык), без какого-либо употребления в качестве педагога и без определения обязанностей в отношении великих князей. Но ситуация резко изменилась весной 1784 г. с появлением так называемого «Наставления» Екатерины II об обучении своих внуков. Это напрямую подводит нас к следующему спорному вопросу.

2. Был ли Лагарп в 1784 г. назначен главным воспитателем Александра?

Об этом изменении в статусе Лагарпа в 1784 г. впервые написал Н. К. Шильдер в своей биографии Александра I. Историк, правда, явно переоценивал то значение, которое Лагарп имел в глазах Екатерины: «Назначив хотя не даровитого, но безусловно верного ей человека в лице Н.И. Салтыкова приставником при своих внуках, Екатерина озаботилась в то же время приисканием способного исполнителя своих педагогических начертаний. Выбор ее остановился на швейцарском гражданине Фридрихе-Цезаре Лагарпе». В этих суждениях, как показано выше, мало истинного, но Шильдер в том же духе продолжает дальше: «Недолго однако Лагарп занимал вто-

³⁴ VCU. Fonds de La Harpe. G.Aa 52. P. 2.

³⁵ Письма Екатерины II к Н. И. Салтыкову от 22 апреля и 4 сентября 1783 г. // Русский архив. 1864. Вып. 9. С. 944–945.

ростепенное положение в деле воспитания Александра Павловича; очевидно Екатерина предназначала ему более деятельную педагогическую роль». И вот летом 1784 г. «после решительного одобрения, высказанного Екатериной по поводу записки Лагарпа, все препятствия к назначению его наставником великого князя Александра устранены»³⁶.

Многие авторы биографий российского императора затем дословно следовали Шильдеру, рассказывая, как Екатерина II после изучения записки, представленной ей Лагарпом (о ней речь пойдет ниже), «назначила Лагарпа наставником великих князей»³⁷. Подобные утверждения вошли и в труды крупнейшей современной французской исследовательницы жизни Александра I, профессора Сорбонны М.-П. Рей. Так, в статье, специально посвященной Лагарпу как воспитателю Александра, она констатирует (но не объясняет), что Лагарп прибыл в Петербург в начале 1783 г., а приглашен учителем французского языка к Александру только в марте 1784 г., и что затем, прочитав записку Лагарпа и «соблазнившись честолюбивым проектом», Екатерина «с середины сентября назначает Лагарпа главным наставником великих князей Александра и Константина Павловичей». В результате, якобы «в течение более десяти лет, до мая 1795 г., Лагарп ежедневно контролировал занятия прочих преподавателей», а кроме того, «преподавал и сам... Эта двойная обязанность, как он признает в воспоминаниях, была нелегкой»³⁸.

На деле такие высказывания являются результатом интерпретации лишь косвенных указаний, содержащихся в небольшом наборе источников, которые следует проверить, присоединив к ним свидетельства самого Лагарпа.

13 марта 1784 г. Екатериной был издан «собственноручный именной указ и наставление генерал-аншефу Н.И. Салтыкову» о

³⁶ Шильдер Н.К. Указ.соч. Т.1. С.35, 38.

³⁷ См., например: Труайя А. Александр I. Северный Сфинкс. М., 1997. С. 14; Балязин В. Н. Император Александр I. М., 1999. С. 22; и др. Аналогичные фразы вошли в ряд учебников по истории России.

³⁸ Рей М.-П. Фридрих Цезарь Лагарп, воспитатель будущего императора Александра I // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. / Под ред. А. В. Чудинова и В. С. Ржеуцкого. М., 2011. С. 235. См. Также: Рей М.-П. Alexandre Ier. Paris, 2009. P. 56.

воспитании великих князей Александра и Константина³⁹. Эта подробная инструкция в шести частях содержала набор педагогических приемов и правил, в духе Локка и Руссо, с помощью которых собранные под началом у Салтыкова учителя должны были физически и нравственно развивать внуков императрицы. Отметим, что часть, посвященная преподаванию наук, в «Наставлении» была явно недостаточно развита, оставляя простор для дальнейших комментариев (чем вскоре и воспользовался Лагарп).

Уже 28 марта 1784 г. Екатерина написала письмо к Гримму, в котором выражала удовлетворение от заверченного ею «Наставления», а также перечисляла людей, которым предстояло воплотить это сочинение в жизнь. Среди них был назван и Лагарп, который «будет одним из тех, кто поставлен присутствовать при упоминаном Александре, с особым приказанием разговаривать с ним по-французски» (далее шел перечень других лиц, поставленных с аналогичными поручениями – говорить с Александром на иностранных языках)⁴⁰.

Следующее упоминание Лагарпа мы находим в письме от 8 мая 1784 г. – это совместное письмо Екатерины и Александра Ланского к Гримму, составленное явно в «веселую минуту» (в частности, в нем ощущается большая теплота и даже личное счастье Екатерины в ее отношениях с Ланским). В письме много юмора, от которого оба сочинителя получали удовольствие, и среди прочего такая полусутопливая констатация: «Мы держим г-на Лагарпа в резерве, в ожидании он прогуливается». Если Шильдер полагал здесь прямое свидетельство широких замыслов Екатерины относительно будущей педагогической деятельности Лагарпа, то, конечно, возможны и другие интерпретации – например, что уроки Лагарпа начались не сразу, поскольку учитель и ученик в прямом смысле не могли найти общий язык: Александра в детстве учили английскому, но не французскому языку, а Лагарп с большим трудом понимал русский. Как писал Лагарп, «первым делом следовало подумать о способах

³⁹ Подлинник «Наставления» – РГАДА. Ф.2 (разряд II). Д.115; его полная публикация (вместе с рескриптом Салтыкову) – Сборник РИО. СПб., 1880. Т. 27. С. 301–330. В ГАРФ (Ф. 728. Оп. 1. Д. 326 (№ 290). Л. 1–26) находится копия «Наставления» на французском языке, выполненная рукой Лагарпа.

⁴⁰ Сборник РИО. Т. 23. С. 296.

изъясняться, и речи пока еще не шло об уроках. К счастью, я рисовал, а юный принц писал внизу нарисованных предметов их название по-русски, я же туда добавлял название французское»⁴¹ (аналогичный прием он потом применил и при знакомстве с маленьким Константином).

Но столь скромные функции явно не удовлетворяли Лагарпа. «Назначенный кавалером, то есть менином [пришедший из Испании титул, обозначающий молодого дворянина при принце. – А. А.] великого князя Александра с рангом армейского премьер-майора, я был сперва призван к обязанностям того же рода, что и дворяне-придворные (или камергеры), но не для исполнения же подобных обязанностей я нанимался на службу. Поэтому я решился получить точное объяснение по этому поводу, одним словом, создать место, которое мне бы подошло при новой организации. С этой целью я составил записку, которую 10 июня 1784 г. адресовал графу Салтыкову. Императрица прочла ее, сделала отметки собственной рукой и ее одобрила. Будучи свидетелем моего желания сохранить у себя экземпляр с ее пометами, она согласилась на это, попросив у меня копию. Став таким способом учителем уже в истинном смысле, я без труда получил освобождение от функций кавалера и смог полностью предаться моим важным занятиям»⁴².

Названная здесь записка была целиком посвящена программе преподавания великому князю Александру различных наук⁴³. По своим принципам записка хорошо согласовывалась с текстом «Наставления», служа как бы необходимым дополнением к последнему. В ней Лагарп, во-первых, отвечал на вопрос, переданный ему через Салтыкова, относительно того, каким предметам способен обучать он сам (а это был широкий круг наук, включавший всеобщую историю, литературу, географию и философию); во-вторых, давал, говоря современным языком, «методические указания» к преподаванию этих предметов, следуя здесь основополагающим идеям эпохи Просвещения (теории о воспитании в монархе «просвещенного гражданина», признающего равенство между людьми и стремяще-

⁴¹ ВСУ. Fonds de La Harpe. G.Aa 52. P. 3.

⁴² Ibid. P. 3–4.

⁴³ Записка Лагарпа от 10 июня 1784 г. полностью опубликована (на фр. яз.) в кн.: Сухомлинов М. И. Указ. соч. С. 143–164.

гося к благу своего народа). В завершении записки Лагарп поместил искусно выстроенные фразы, в которых, не предвосхищая решения Екатерины назначить его учителем всех перечисленных наук, давал понять, что именно с этой целью он и поступил на российскую службу: «Я прошу извинить, если для того, чтобы лучше изъясниться, я себя несколько раз поставил на место человека, которому поручено преподавать эти науки великому князю. Я получил уже однажды надежду быть употребленным к чему-либо большему, нежели уроки французского, и во мне еще сохранились некоторые смутные воспоминания об этой приятной мечте»⁴⁴.

К данному месту Екатерина II на полях сделала следующее примечание: «Тот, кто составил эту записку, несомненно способен преподавать более, чем один только французский язык». Именно эти слова явились для Лагарпа желанным знаком монаршего благоволения. Но не следует думать, что этим Лагарп обязан только своему умению выстраивать педагогические рассуждения. Как уже упоминалось, его записка была передана Екатерине в июне 1784 г., а судя по переписке с Гриммом, императрица в этот месяц проводила едва ли не все свое время рядом с А. Д. Ланским, протекцию которого в адрес Лагарпа как своей «креатуры» можно вполне подозревать и в этом случае. По крайней мере, судя по «объяснительным запискам» Лагарпа, именно Ланской сообщил ему о высочайшей милости: «Несколько дней спустя генерал Александр Дмитриевич Ланской, фаворит Екатерины II, желавший мне блага, отвел меня в сторону, чтобы поздравить с благоприятным приговором, который вынесла в мой адрес императрица. Это стало счастливым событием. Действительно, я был внесен в список персон, которых должны были употребить для обучения великих князей, и утвердился там»⁴⁵.

Итак, Лагарп и в самом деле, говоря его собственными словами, «создал свою должность». Со второй половины 1784 г. он начал преподавать, кроме французского языка и литературы, также географию, историю (античную и новую историю стран Европы), несколько позже — математику (до конца 1790 г.), а с начала 1791 г. планировал начать преподавание различных частей философии.

⁴⁴ Цит. по: Сухомлинов М. И. Указ. соч. С. 162.

⁴⁵ ВСУ. Fonds de La Harpe. Н 42. Р. 1.

Детальный фактический материал о его уроках Александру и Константину содержат большие годовые, а также краткие месячные отчеты Лагарпа, некоторые из которых опубликованы⁴⁶.

Статус Лагарпа, действительно, изменился: он стал «в истинном смысле учителем» (*un veritable Instituteur*). Екатерина теперь несколько раз упоминает в переписке с Гриммом о его занятиях с Александром. Так, 16 сентября 1784 г. она пишет: «Вы знаете, я полагаю, что Лагарп помещен к Александру; этот тот самый швейцарец Лагарп, который путешествовал с двумя Ланскими. Он находит талант в своем ученике Александре». 1 декабря 1787 г. та же мысль повторена Екатериной, которая надеется на способности Александра как будущего правителя: «Лагарп, который его учит, возлагает на него самые большие надежды, а ведь этот Лагарп — швейцарец, не приученный к лесте, который заставляет его поверить во все небывлицы истории и во все самые голые истины, содержащиеся в длинных мыслях». Сходное упоминание звучит и в письме Гримму от 18 сентября 1790 г. «Все им [Александром] довольны, и я также. Лагарп, его учитель, говорит, что он — выдающаяся личность. В настоящее время он занимается с ним математикой, которая ему дается так же легко, как и все остальное»⁴⁷.

Но означают ли эти свидетельства, что Лагарп формально стал *главным наставником* великого князя Александра? Н. К. Шильдер именно в этом смысле трактует слова первого из упомянутых выше писем («Лагарп помещен к Александру»), откуда и возникает дата его нового назначения — сентябрь 1784 г. Такая интерпретация представляется спорной: в данной фразе императрица скорее просто напоминает корреспонденту, что Лагарп был взят на службу ко двору великого князя Александра, о чем Гримм знал и раньше из ее же писем. Сам Лагарп ни в процитированном выше объяснении, ни в других «записках» не указывает на формальную перемену своей должности. Да, круг его преподавания расширился так, как он этого захотел, и его обязанности стали четче очерченными, но все это произошло

⁴⁶ См.: Русская старина. 1870. Т. 1. С. 35–48, 103–132, 407–419; Т. 2. С. 161–174, 253–266 (годовые отчеты за 1786, 1789 и 1790 гг.); кроме того, неопубликованные отчеты периода 1785–1793 гг. (подлинники и копии) находятся в фондах ГАРФ и ВСУ.

⁴⁷ Сборник РИО. Т. 23. С. 320, 432, 497–498.

без какого-либо официального заключения нового контракта (даже устного), лишь благодаря резолюции Екатерины, что тот «способен преподавать более, чем один только французский язык». Поэтому и формально, и фактически Лагарп остался лишь «одной из персон, употребляемых для обучения» внуков императрицы.

О том же, кто является главным наставником ее внуков, Екатерина недвусмысленно пишет в своих письмах к Гримму, например, в апреле 1785 г.: «Александр и Константин находятся в руках Салтыкова, который во всем следует моим принципам и моим предписаниям» (ни о какой роли Лагарпа здесь не упоминается)⁴⁸. Действительно, структура обучения великих князей оставалась неизменной с момента ее образования в 1783–1784 гг.: Салтыков как главный наставник («*gouverneur en chef des Grands Ducs*» — именно такой титул использовал Лагарп в своих письменных обращениях к Салтыкову); ему непосредственно подчинены Протасов и Сакен как «дядьки», соответственно, Александра и Константина (многие записки, направленные Лагарпом юному Александру в период обучения, адресованы на имя Протасова); и уже ниже стоят все прочие учителя. Никем из них Лагарп, естественно, не руководил. Типичное обращение Екатерины к Салтыкову с упоминанием людей, которым поручено обучение великих князей, звучало так (5 января 1787 г.): «Чтобы во время моего отсутствия непременно наблюдали, следовали и исполняли данный от меня наказ о воспитании моих внуков, великих князей Александра и Константина Павловича, Вы о сем именем моим подтвердите господам Протасову и Сакену, и вообще всем, при внуках моих находящимся»⁴⁹. Лагарп, очевидно, попадал в последнюю категорию («вообще все»).

Впрочем, по своему глубокому влиянию на Александра Лагарп, конечно, далеко превосходил положение обычного учителя. При этом и в ежегодных отчетах он зачастую выходил за рамки простого перечисления пройденного и позволял себе пространные рассуждения о характерах воспитанников и о средствах к их умственному и нравственному развитию. А в конце 1794 г., задетый неподходящими на его взгляд условиями, с которыми его отправляли в отставку,

⁴⁸ Сборник РИО. Т. 23. С. 336.

⁴⁹ Русский архив. 1864. Вып. 9. Ст. 948

Лагарп попытался доказать свое особое положение среди учителей. Он писал Салтыкову: «Обязанности мои при Их Императорских Высочествах никогда не сводились к тем, какие исполняют обыкновенно частные учителя. Напротив, не подлежит сомнению, что служил я их воспитателем, ибо один, без чьей-либо помощи, исполнял все, что сия должность предполагает. Ее Императорское Величество сочли меня в 1784 году этой должности достойным, после того как ознакомилась с пространной моей меморией, кою Ваше Сиятельство ей 10 июня сказанного года представили и кою благоволила она собственноручными приписками своими снабдить; а когда бы еще потребовалось доказательств, напомнил бы я о великом множестве меморий и отчетов, по различным случаям представленных, особливо же о мемориях от 10 июня и от конца 1784 года, от 20 сентября 1786 года, от 31 марта и 17 сентября 1789 года, о большой мемории от конца декабря 1790 года и от 22 декабря 1791 года, каковые все до единой содержат общие планы, какие право имел представлять лишь один воспитатель Их Императорских Высочеств»⁵⁰.

Читая то, что здесь пишет Лагарп, следует однако понимать, во-первых, что не Екатерина, а *только он сам* добился своими уроками с Александром того положения «воспитателя», о котором он пишет; а, во-вторых, что большинство из перечисленных им ежегодных отчетов, поданных Салтыкову, были потом переведены на русский язык и представлены императрице уже *от имени самого Салтыкова* как «главного наставника» великих князей.

Лагарп о последнем узнал случайно, и его особенно оскорбило то, что задействованные Салтыковым для этого переводчики получили награды, тогда как сам автор — ничего⁵¹. Напоминая в данном письме об авторстве своих отчетов, Лагарп сознательно задевал своего начальника, о котором в «объяснительных записках» высказывался в критическом духе (хотя и мягче, чем цитированные выше сторонние мемуаристы): «Граф Салтыков занимался лишь своими личными интересами, а в такой стране как Россия, где только начальник призывается свидетельствовать, его безразличие всегда

⁵⁰ Письмо Ф.-С. Лагарпа к Н. И. Салтыкову от 2 декабря 1794 г. — *Correspondance... Vol. 1. P. 99.*

⁵¹ BCU. Fonds de La Harpe. G.Aa 52. P. 9.

плачевно для подчиненных. Все, кто употреблялись для обучения великих князей и не имели особых покровителей, подвергались обидам, и я был в числе последних»⁵².

Действительно, 25 июня 1784 г., спустя всего несколько дней после доставления Лагарпу хороших известий, скоропостижно скончался А.Д. Ланской. С этого момента, по словам Лагарпа, лишь записка от 10 июня, а также письма к Гримму, которые тот пересылал императрице, защищали Лагарпа «в критическую минуту» в глазах императрицы⁵³.

В целом же, он постоянно и остро ощущал свое подчиненное положение при чуждом ему дворе. В мемуарном тексте, впервые увидевшем свет еще при жизни Лагарпа, он так рассказывал об этом: «Иностранец и без покровителя, как мог я не столкнуться с препятствиями и несправедливостями? И, верно, всего этого мне хватало, и если бы небо не наделило меня большой долей стойкости, соединенной с доведенным до фанатизма желанием блага, то часто было от чего прийти в уныние. Меня поддерживали мои уроки, постоянная работа, уединение и неугасимая решимость пожертвовать ради моей цели всеми соображениями личной корысти. Когда, после очередного жесткого удара, я уже собирался просить увольнения, я вдруг запирался у себя и открывал древних авторов, особенно доброго Плутарха... Преисполненный республиканскими правилами, возвращенный в одиночестве, совершенно чуждый большому свету, прожив с книгами и созданиями фантазии больше, чем с людьми, я должен был без руководителей и советников двенадцать лет провести при дворе, и меня удивляет еще, что я еще не служил мишенью для куда больших нападок»⁵⁴.

⁵² BCU. Fonds de La Harpe. G.Ab 1. P. 1.

⁵³ BCU. Fonds de La Harpe. H 42. P. 1.

⁵⁴ Mémoires de Frédéric-César Laharpe, concernant sa conduite comme Directeur de la République Helvétique, adressés par lui-même à Zschokke (ed. J. Vogel). Paris, Genève, 1864. P. 74–76. В том же духе Лагарп рассказывал о своем положении при дворе в письме к своему другу Штапферу: «Когда я находился в должности при моих учениках, лишь немногие недели проходили без того, чтобы я не попытался бы бросить все, столько препятствий, дрязг, горечи оседало на моем пути; и спокойствие не возвращалось, пока, отвлекшись от того, что меня окружало, я не обращал взор в будущее и закреплял в сознании цель, к которой устремлены мои труды» — *Rey M.-P.* Op. cit. P. 57.

Хотя, как справедливо замечает А. Ф. Строев, «трудное начало закалило и сформировало наставника»⁵⁵. Но, если принять тезис о том, что положение Лагарпа при дворе было не только подчиненным, угнетенным разными обидами, но и довольно неустойчивым, то в чем причина такого его «придворного долголетия»? Не пользовался ли он особой защитой Екатерины II, поскольку среди всего учительского корпуса именно он мог внушать Александру заветные мысли бабки?

3. Действительно ли Лагарп обучал великого князя Александра Павловича в русле идей Екатерины II?

Отвечая на данный вопрос, следует прежде всего признать, что так называемые «заветы Екатерины», выраженные в ее педагогических декларациях, имели весьма малую возможность воплотиться на практике — с таким составом воспитателей на ключевых постах и в силу систематического пренебрежения просветительскими принципами «Наставления», о чем пишут многие мемуаристы. «Екатерина сочинила план образования своих внуков так же, как она сочинила инструкцию для законодательства своего народа [имеется в виду «Наказ» депутатам Уложенной Комиссии 1767 г. — А. А.]... Если бы этому плану следовали, то Александр и Константин Павловичи определенно были бы воспитаны лучше всех принцев в Европе... Но с образовательным планом Екатерины случилось то же, что и с ее инструкцией для кодекса. Составление законов окончилось тем, что его передали в комитет, наполненный невеждами, ханжами и шутами, которые к счастью никогда не собирались; а образование юных принцев доверили людям, едва бывшим в состоянии прочесть план, которому они обязаны были следовать буквально и изучать сам дух его. Единственное правило, которое они, как казалось, поняли (очевидно, поскольку оно было негативным): не учить юных великих князей ни поэзии, ни музыке, поскольку больше времени надо посвящать воспитанию у них навыков ручной работы. Впрочем, это правило они старались распространить на все науки вообще»⁵⁶.

⁵⁵ Строев А. Ф. Указ. соч. С. 232.

⁵⁶ Masson Ch. F. Ph. Op. cit. P. 212–213.

Среди правил «Наставления», систематически не выполнявшихся, было требование единства учителей — те должны были еженедельно собираться у Салтыкова для обсуждения успехов воспитанников и во избежание разногласий между собой, чтобы «никто из приставников не раздирал того, что другие сшивают, и не хвалил в детях и при детях того, что другие хулят, и наоборот»⁵⁷. На деле получалось ровно противоположное — никакого единомыслия среди наставников не было. Об этом ясно свидетельствуют записки А. Я. Протасова, где он пишет, что в разговорах с великим князем Александром опровергал мнения, преподаваемые тому Лагарпом. Так, в ноябре 1791 г. при обсуждении «французских дел» (т. е. революционных событий) Александр сказал, что «равенство между людьми хорошо, и что французские дворяне напрасно беспокоятся лишением сего достоинства, понеже де оно в одном названии состоит, не принося впрочем никакой за собою ощутительной пользы». Протасов же «за долг и честь почел доказать его высочеству несправедливость его по сей материи мыслей, видя, что оные ему вложены человеком, любящим народное правление, хотя впрочем с честнейшими намерениями» (под ним имеется в виду Лагарп)⁵⁸.

В такой обстановке преподавание Лагарпа объективно было единственным, которое полностью отвечало духу «Наставления» Екатерины. Поэтому, неудивительно, что оно не раз удостоивалось высочайшей похвалы. 22 сентября 1786 г. Лагарп был награжден орденом Св. Владимира IV степени из рук императрицы, которая обратилась при этом к нему со словами: «Начала, которые вы проводите, укрепляют душу ваших питомцев; я читаю ваши записки с величайшим удовольствием и чрезвычайно довольна вашим преподаванием»⁵⁹. В 1787 г. во время путешествия в Крым Екатерина с большим удовольствием читала заметки Лагарпа по истории, составленные для уроков с Александром и Константином в 1785—1786 гг., — этот факт отмечен и в «объяснительных записках» Лагар-

⁵⁷ Сухомлинов М. И. Указ. соч. С. 67.

⁵⁸ Дневные записки А. Я. Протасова... С. 764.

⁵⁹ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 1. С. 39, 228. Здесь цитируется письмо Лагарпа к отцу от 30 октября 1786 г., в котором он далее писал: «Признаюсь, что такие знаки внимания заставляют меня забыть очень многое».

па⁶⁰, и подтверждается письмами Екатерины к Салтыкову, где она, разбирая присланные ей учебные материалы, несколько раз просила: «Скажите Лагарпу мое удовольствие»⁶¹.

Эти знаки благорасположения Екатерины к Лагарпу продолжались вплоть до конца 1790 г.⁶² Но уже со следующего года эхо парижских событий явственно отозвалось в Петербурге. Если раньше революция во Франции казалась чем-то далеким (при этом Екатерина сперва отнеслась к ней умеренно-нейтрально, а Лагарп ее горячо приветствовал, надеясь, что она поможет его родине, франкоязычной «земле Во», обрести свободу от угнетения со стороны Берна), то теперь к российскому двору все в больших количествах начали прибывать эмигранты-аристократы. Они были гостеприимно приняты в Эрмитажном салоне императрицы, где горько жаловались на постигшие их «несправедливости» и на «революционные безумства»⁶³.

⁶⁰ Correspondance... Vol. 3. P. 514. Лагарп указывает, что тогда все его заметки просматривались императрицей, которая его многократно благодарила, а во время путешествия сообщала о них своим спутникам, в особенности принцу де Линю и английскому послу, «хвалясь швейцарским республиканцем на ее службе».

⁶¹ Письма Екатерины II к Н. И. Салтыкову от 12 февраля и 15 марта 1787 г. // Русский архив. 1864. Вып. 9. Ст. 952, 958. В частности, в последнем из этих писем Екатерина отмечает: «Присланную роспись учения великих князей, сочиненную господином Лагарпом, я показать велела г-ну Фицгерберту [английскому послу], и он так, как и я, находит, что лучше выдумать нельзя, и о успехах не сомневаюсь».

⁶² В письме к Салтыкову от 24 июня 1793 г. Лагарп вспоминал как об одном из последних таких знаков, что во время малого приема в Эрмитаже 10 ноября 1790 г. Екатерина адресовала ему «комплименты самые лестные, закончив словами, которых вовек не забуду: *Вы моих похвал достойны вполне*» — Correspondance... Vol. 1. P. 415.

⁶³ В Петербурге обосновались принц Нассау-Зинген, бывший французский посланник в Константинополе граф де Шуазель-Гуфье, посланник бурбонских принцев в эмиграции граф Эстергази, а в 1792 г. приехал и один из этих принцев, граф д'Артуа (будущий король Карл X). Все они, по словам Лагарпа, стремились активно влиять на Екатерину и великого князя Павла Петровича с целью «ожесточить» их, настроить против того, что происходило в революционной Франции, а «всякого человека здравомыслящего, об их безумных доктринах отзывавшегося как они того заслуживают, выставляли врагом» — ВСУ. Fonds de La Harpe. G.Ab 1. P.31; Correspondance... Vol. 3. P. 540.

Перед ними Екатерине «хвалиться республиканцем на своей службе» было уже неуместно. На Лагарпа, получившего теперь новое прозвище — «якобинец», не только обратились стрелы ненависти со стороны беглых аристократов, возникла прямая угроза его положению при дворе, поскольку некоторые из эмигрантов были тесно связаны (родственными или дружескими узами) с представителями «старого режима» в Берне, идейным борцом с которым Лагарп себя уже давно объявил. Были перехвачены письма и послания Лагарпа против несправедливостей «бернских господ» — а содержание этих посланий легко можно было трактовать как революционное. Согласовав свои действия с французскими эмигрантами при петербургском дворе, бернцы направили Екатерине II официальную жалобу с требованием наказать Лагарпа (в Швейцарии тогда говорили о его ссылке в Сибирь уже как о решенном деле)⁶⁴.

В ноябре 1791 г. это привело к объяснениям — письменным⁶⁵ и устным. Последнее (очевидно, со слов Лагарпа) передает Ш. Массон: Екатерина обратилась к Лагарпу — «мсье якобинец», но тот отверг этот титул, почтительно заявив императрице, что «он швейцарец, следовательно, республиканец», и что все, чего он хотел добиться на своей родине, это «законным образом отстоять наши древние права» против произвола «бернских господ»; во всем же остальном он верен своему долгу по отношению к российским великим князьям. В итоге, Екатерина объявила: «Будьте якобинцем, республиканцем, кем хотите: я вас считаю честным человеком; этого мне довольно. Оставайтесь при моих внуках, всецело сохраняйте мое доверие и занимайтесь с ними с привычным вашим рвением»⁶⁶.

Почему же императрица не вняла требованиям «удалить якобинца»? Сам Лагарп в «объяснительной записке» предполагал: «Донос бернских господ составлен был в выражениях столь неучтивых, что Екатерину II, привыкшую к обхождению вежливому и предупредительному, задел за живое»⁶⁷. Думается также, что Екатерине не по-

⁶⁴ Mémoires de Frédéric-César Laharpe... P. 80.

⁶⁵ Два письма Лагарпа к Екатерине II от 15 и 20 ноября 1791 г. (с приложенными к ним «объяснительными записками») см.: Correspondance... Vol. 3. P. 505–531.

⁶⁶ Masson Ch. F. Ph. Op. cit. P. 214–215.

⁶⁷ Correspondance... Vol. 3. P. 516.

нравилось, что ее заставляют отказаться от своего старого замысла: ведь в наставника ее внуков, который учил их уже семь лет, немало было вложено (в том числе и денег), а ему еще предстояло завершить свою задачу — закончить великим князьям преподавание наук, которое, в целом, Екатерину вполне устраивало. Хотя, очевидно, она уже не так глубоко, как раньше, вникала в это преподавание, а если бы вникла, то вряд ли теперь так же горячо его одобрила, как это было несколько лет назад.

Об этом преподавании Лагарпа в последние годы екатерининского царствования стоит сказать несколько слов. Историки издавна обличали абстрактный, «отвлеченный характер» уроков Лагарпа. В. О. Ключевский, например, отмечал: «Преподавание Лагарпа не давало ни точного научного реального знания, ни логической выправки ума, ни даже привычки к умственной работе; оно не вводило в окружающую действительность и не могло еще возбуждать и направлять серьезную мысль»⁶⁸. Но в последнее время в историографии появились и противоположные мнения, основанные на изучении конспектов учебных курсов Лагарпа, а именно, что тот «не доверяя абстрактному знанию, использовал как раз множество примеров и справок, нацеленных на то, чтобы выразить свою мысль конкретно и доступно»⁶⁹.

Пример такой предельной конкретизации — преподавание Лагарпом начал естественного права в 1791–1792 гг. Вначале, придавая этому предмету большое значение для формирования мировоззрения своих подрастающих учеников, он планировал вместо обычного курса составить «подробно и свободно» особый труд, посвященный «великому вопросу о происхождении обществ»⁷⁰, но после перемен придворной атмосферы в 1791 г. отказался от этого намерения — Ла-

⁶⁸ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 3. М., 1993. С. 379–380.

⁶⁹ Rey M.-P. Op. cit. P. 63.

⁷⁰ Mémoires de Frédéric-César Laharpe... P. 77. Ср. в «объяснительных записках»: «Важность моих трудов возрастала по мере того, как великие князья взросли. Наступало время приняться с ними серьезно за важнейшие вопросы, которые затрагивают формирование и организацию обществ. Я занимался этим как человек, который не желает поступаться принципами, вполне осознавая опасность затрагивать такие материи посреди наблюдающих за мной надзирателей» — ВСУ. Fonds de La Harpe. G.Ab 1. P. 31.

гарп признавал, что это был бы «наилегчайший путь к гибели». Поэтому он вновь использовал литературу, сочинения прошедших лет, где «те же материи разбирались, оставляя за собой право их комментировать и объяснять словесно с помощью поучительных событий, ежедневно разыгрывавшихся на политических театрах Польши и Франции». Своей главной задачей он считал «разбирать отношения правителей и управляемых, князей и их народов в соответствии со справедливостью и истиной». Касательно предреволюционной Франции таким пособием для Лагарпа выступали вышедшие посмертно записки Ш. П. Дюкло о царствовании Людовика XV⁷¹. Их обличительные строки так глубоко врезались в память Александра и Константина, что последний не сдержался: в Эрмитажном салоне, в присутствии Екатерины II и графа Эстергази он начал возражать последнему, когда тот нахваливал «благоденствие французского народа при старом режиме». «Юный принц начал перечислять серию невзгод французской нации, так что исполнил смущения эмигрантов, не осмеливавшихся оспаривать факты, и удивил Екатерину»⁷².

Этот пример показывает, что в последний, наиболее тяжелый для него период деятельности как учителя великих князей, начавшийся в 1791 г., Лагарп осознанно, понимая возможные опасности, развивал совсем не абстрактную, а конкретную критику «старого режима». Тем самым он не только резко противоречил направлению, царившему в ближайшем окружении Екатерины, но стремился «бороться» за великих князей Александра и Константина, давая им «противоядие» к окружавшей их постоянно «школе лжи». «Общие начала справедливости и истины ежедневно подвергались атаке в присутствии императрицы со стороны эмигрантов, которых она допустила в свое общество, а также со стороны придворных, старавшихся понравиться, и никто не осмеливался эти начала защищать. Юные принцы могли вынести такие впечатления, которые нужно было во что бы то ни стало предотвратить, а это не было легко, поскольку речь шла о том, чтобы изобличать во лжи то, что выдвигалось как истина в императорском кружке»⁷³.

⁷¹ *Duclos Ch. P. Mémoires secrets sur le règne de Louis XIV, la régence et le règne de Louis XV. Paris, 1791.*

⁷² BCU. Fonds de La Harpe. G.Ab 1. P. 32–33.

⁷³ *Ibid.* P. 32.

О том, до какой степени Лагарп в эти годы противопоставлял себя Екатерине, свидетельствует история, подробное освещение которой выходит за рамки данной статьи. Осенью 1793 г., вскоре после вступления Александра в брак, которое было ускорено Екатериной, она решила посвятить Лагарпа в свой заветный план — передать престол непосредственно внуку, минуя сына, великого князя Павла Петровича. Лагарп был избран императрицей в качестве человека, имеющего на Александра огромное влияние, а потому способного уговорить того согласиться на отстранение отца от наследования. Но швейцарец, пережив «два самых тяжелых часа в жизни», сумел сделать вид, будто не понимает, чего от него хочет Екатерина — та же не могла потребовать от него этого прямо. Вследствие такого разговора Лагарп стал действовать ровно обратным образом, «изо всех сил стараясь сыновей к отцу как можно сильнее привязать», а перед самым отъездом из России добился аудиенции у Павла и заклинал его «прежде всего о том заботиться, чтобы любовь и доверие сыновей завоевать, ибо сие для всех первостепенно важно», и от этого зависит надежное будущее российского трона⁷⁴.

Неудивительно, что при таком, хотя и завуалированном, противостоянии Лагарпа и Екатерины, попытки избавиться от швейцарца не прекращались. В мае 1793 г., когда было объявлено о помолвке великого князя Александра (что формально означало окончание воспитания и начало его самостоятельной жизни), все учителя и гувернеры получили многочисленные награды или повышения, лишь Лагарп был полностью обойден. Для его самолюбия это был болезненный удар — многие при дворе не сомневались, что «человека, известного гордостью своего характера, такое публичное пренебрежение заставит просить об отставке», но швейцарец «скрыл свое чувство внутри себя», сохраняя надежду продолжать и после свадьбы своего ученика «важные уроки, которые ему еще оставалось преподавать»⁷⁵. Но уже через месяц, в июне 1793 г. Лагарпа попы-

⁷⁴ Об этом разговоре с Екатериной II, состоявшемся 19 октября 1793 г., Лагарп упоминает в четырех (!) разных «объяснительных записках» (см.: *Correspondance... Vol. 1. P. 407; Vol. 3. P. 538–540, 542*); о его прощальной аудиенции с Павлом: *Correspondance... Vol. 3. P. 539–544* (три «записки», несколько отличающиеся между собой подробностями).

⁷⁵ BCU. Fonds de La Harpe. G.Ab 1. P. 33–33b.

тались отослать из Петербурга под благовидным предлогом включения в свиту младшей сестры великой княгини, которую необходимо было сопроводить обратно в Европу. Швейцарцу удалось пережить и это испытание, добившись разрешения остаться в Петербурге⁷⁶. Еще одной важной вехой, осложнившей и без того трудное положение Лагарпа, явилось создание во второй половине 1793 г. собственного двора великого князя Александра и его супруги – новые придворные чрезвычайно опасались того влияния, которое учитель имел на своего ученика, и мечтали о его удалении.

Что касается окончания уроков с Александром, то, как отмечали многие историки, образование великого князя осталось неоконченным и, в основном, из-за того, что Екатерина II уже в 1792–1793 гг. постоянно отвлекала Александра на исполнение различных придворных обязанностей, а в 1793 г. в связи со свадьбой занятия вообще прекратились более чем на полгода (они возобновились регулярно только в марте 1794 г.)⁷⁷

Наконец, 20 ноября 1794 г. граф Н. И. Салтыков сообщил Лагарпу от имени императрицы, что обязанности последнего при дворе окончены, выплата жалования с нового года прекращается, а за обучение великого князя Константина, учителем которого Лагарп формально оставался до этого времени, ему причитается вознаграждение (которое швейцарец позже назвал «менее, чем посредственным: богатый купец дал бы больше»)⁷⁸. Но и теперь Лагарпу удалось отсрочить свой отъезд из Петербурга до мая 1795 г., все это время продолжая давать уроки Александру (к ним теперь присоединилась и его супруга, великая княгиня Елизавета Алексеевна).

17-летний Александр, которого весть об удалении Лагарпа привела в отчаяние, попытался ему воспрепятствовать. В те дни он писал об этом матери: «Я говорил с графом Салтыковым, который сказал мне, что императрица еще раньше хотела его отослать из-за моей свадьбы и что только благодаря его [Лагарпа] мольбам Сал-

⁷⁶ Переписку, посвященную этому, см.: *Correspondance...* Vol. 1. P. 404–406, 409–414.

⁷⁷ *Rey M.-P.* Op. cit. P. 64; ср. Дневные записки А. Я. Протасова... С. 774. О постоянных перерывах в занятиях говорят и сохранившиеся записки Александра к Лагарпу за 1792–1794 гг. – *Correspondance...* Vol. 1. P. 81–84.

⁷⁸ BCU. Fonds de La Harpe. G.Aa 52. P. 8.

тыков сделал так, чтоб его оставили, но что сейчас, наградив его, она непременно хочет его отослать, и все это из-за старых историй по поводу его переписки с родственниками, которую обнаружили и которую Эстергази неправильно истолковал, представив его якобинцем»⁷⁹.

Тем не менее прощание Лагарпа с Екатериной было довольно теплым, хотя, как кажется, и не искренним. «Екатерина II простилась со мной вдвойне милостиво. Она взволновалась немного, видя в последний раз человека, с которым обошлась несправедливо. *Надеюсь*, сказала она, протягивая мне руку для поцелуя, *что будете вы нас часто вспоминать, что будем мы о вас часто слышать от внуков наших. Я вами никогда интересоваться не перестану*»⁸⁰.

Подведем итоги. Учитель великих князей Александра и Константина, швейцарец Ф.-С. Лагарп оставил большое количество «объяснительных записок» мемуарного характера, которые позволяют по-новому взглянуть на процесс воспитания и сопровождавшие его события при российском дворе в конце царствования Екатерины II. Хотя «записки» Лагарпа преимущественно сосредоточены на нем самом и в значительной степени субъективны, в большинстве оценок они согласуются с другими источниками, а фактическая сторона допускает проверку (например, используя переписку Екатерины II с бароном Гриммом и графом Салтыковым). В то же время проанализированные в комплексе они дают возможность уточнить и пересмотреть многие устоявшиеся в историографии интерпретации о характере воспитания внуков Екатерины.

Прежде всего видно, что подбор учителей для великих князей не носил осознанного и целенаправленного характера, а сам Лагарп оказался в их числе не благодаря своей особенной «квалификации», а с помощью обычного механизма придворной протекции. То, что он постепенно занял центральное место в деле воспитания Александра и Константина, также не было изначальным планом Екате-

⁷⁹ Цит. по: *Rey M.-P.* Op. cit. P. 80.

⁸⁰ *Correspondance...* Vol. 1. P. 409; ср. в опубликованных мемуарах Лагарпа: «Екатерина II простилась со мною, едва не растрогавшись. Она была не права передо мною, вспомнив о этом в ту минуту, и я вполне уверен, что сохранил за собою ее уважение» – *Mémoires de Frédéric-César Laharpe...* P. 87.

рины, но соответствовало его собственным устремлениям – Лагарп, так сказать, сам «создал свою должность», лелея честолюбивые мечты о том, как сможет образовать государя, исполненного передовых идей своего времени, для такой огромной и мощной державы как Россия.

Если на первых порах такие устремления Лагарпа вполне соответствовали замыслам Екатерины, то в начале 1790-х гг. они разошлись между собой: Екатерина отступила от просветительских идей, выказывая явное сочувствие французским эмигрантам при дворе; Лагарп же не мог с этим смириться и исподволь жестко критиковал «старый режим», надеясь воспитать в своих учениках стремление к будущим либеральным реформам. Он также не выказал никакого сочувствия планам Екатерины II по отстранению от наследования великого князя Павла Петровича в пользу Александра – для Лагарпа это являлось не только нарушением «природного закона», но и подлостью в отношениях между отцом и сыном.

Сознательное противостояние Лагарпа духу, царившему при российском дворе в последние годы екатерининского царствования, не могло не осложнить жизнь швейцарца, но ценой больших усилий он избежал открытого конфликта и высылки из России, которая ему постоянно грозила в 1791-1794 гг. Тем не менее отъезд Лагарпа все же носил явные черты преднамеренного удаления его от Александра (который всерьез переживал, что его «лишали г-на Лагарпа»⁸¹). Этот отъезд не был продиктован завершением учебного курса, который так и остался не законченным, что в свою очередь негативно сказалось в дальнейшем на Александре. Однако Лагарп не расценивал свою деятельность как неудачу – он пытался продолжать дальнейшее образование Александра и влиять на него в течение всей своей жизни.

⁸¹ *Rey M.-P.* Op. cit. P. 80.

Х. Ковальска-Стус

ИСТОРИЯ И ЭСХАТОЛОГИЯ НА ГРАНИЦЕ ДВУХ КУЛЬТУР¹

Изменения в Московском государстве в XVI в. в совокупности с Брестской унией повлекли за собой смуту. Автор отталкивается от представления о связи православной культуры с эсхатологией и, в свою очередь, связи западного христианства с историей. Латинское культурное влияние стало причиной конфликта.

Ключевые слова: латинская культура, православная культура, Московское государство в XVII в., трансформация культуры.

H. Kowalska-Stuss

History and eschatology between two cultures

Reform of Moscow state in XVI century and repercussions of unions for church in Brest has caused smuta. Orthodox culture was related with eschatology, western christianity was related with history. Latin influences in culture of Russia was cause of conflict.

Keywords: Latin culture, orthodox culture, Moscow XVII century, transformation of culture.

Трансформация русско-православной культуры на рубеже XVI и XVII вв. состоялась под влиянием религиозных событий в Речи Посполитой. Такие известные факты, как Брестская уния, московская смута и церковные расколы приобретают в этом контексте совсем другой смысл. Необходимо проанализировать их с перспективы фундаментальных различий между православной и латинской христианскими культурами, учесть разницу в понима-

¹ По тезисам книги: *Hanna kowalska-Stus*, *Kultura i eschatologia*. Moskwa XVII w. Kraków, 2007. Статья публикуется в авторской редакции.